

ДВЕ ВСТРЕЧИ

Я ПИШУ стихи, и все мои стихотворения — о женщинах, написаны ли они к восьмому марта или к шестнадцатому. И восьмого и шестнадцатого марта, и в декабре, и в июле я желаю женщинам счастья, еще раз — счастья, покоя и веры в себя. Сегодня я хочу рассказать о повседневной и прекрасной жизни двух женщин, оставшихся навеки в моей судьбе. Я называю для себя эти две истории так: «Женщина и труд», «Женщина и искусство».

ВСТРЕЧА ПЕРВАЯ

ЭТО было в мае прошлого года. Когда я ехала на Дальний Восток, я знала, что хочу увидеть осминогов и тигров, пятнистого оленя «цветок» и корень жизни жень-шень. И вот уже уснула самосвалом, который привез меня в сопки, я стою на развилке дорог у одинокого дома с тяжеленным чемоданом в руках и слышу голос из-за забора:

— Тебе что, в лесхоз?

— Да, — говорю, — в лесхоз.

В село Заметное, что ли? Так туда восемь километров, а лесовозы сегодня уже не пойдут.

— Чемодан у меня тяжелый, — говорю.

— А ты чемодан здесь оставь, а сама иди.

То и дело на дорогу выбегает горная речка, разливается по ней, журчит в камнях мне навстречу, и я бреду прямо по ледяной воде, и ноги ноют и каменеют от холода. Потом река сбегает в канаву, уходит в глубь леса.

Деревья видная и ладная, из беленых украинских домиков, в яблонях и пчелиных ульях. И женщина мне навстречу:

— Тебе кого?

— Мне лесхоз.

— А-а, а Лукьянчук-то уехал...

Поскольку я не знаю, кто такой Лукьянчук, я перевожу разговор:

— Где вы у нас переночевать?

— Да где хочешь. Хотя бы у нас, — отвечает женщина.

На следующее утро я уже ехала с бригадой лесорубов в тайгу — на верхнюю лесосеку по восьмому ключу, и рядом со мной в кабине сидела единственная в бригаде женщина — десятник Валя Смирнова. Та, ради которой я все это рассказываю. Ей двадцать пять лет, у нее двое детей, мужу тоже двадцать пять, он вальщик в соседней бригаде, а сейчас работает на реке Уланка, на мелевом сплаве. Они познакомились в Ленинграде, когда сдавали экзамены в институт. Не пошли по конкурсу, завербовались на Дальний Восток, поженились — и вот

уже седьмой год здесь. Валя тоненькая, как девочка, круглые, ярко-голубые глаза в белых ресницах, ямочки. На голове — платочек, туго, по-новгородски.

— Нравится в тайге?

— Что ты! Тут же виноград растет, климат, знаешь какой? Арбузы за лето вызревают.

— А работать не тяжело в тайге?

— Летом, когда мошка, тяжело.

Ее работа в тайге состоит в том, чтобы размечать спиленные деревья, на что какое дерево пилить: на шпальник или палубник, рудстойку для шахт или еще что-нибудь. А в конце дня — подсчитывать выработку и распределять ее между членами артели. Она окончила специальные курсы, потом еще один — повышения квалификации.

Весь день она пыталась объяснить мне принципы сортировки «деловой древесины» по толщине ствола и количеству сучков, а я смотрела на нее и думала: насколько эта девочка — хозяйка-распорядительница таежной деловой древесины — старше наших двадцатипятилетних горожанок... Может быть, потому, что опасна и тяжела ее работа, — именно опасна, я не оговорила. В тайге на лесосеке нельзя находиться без металлической каски — любое падающее дерево может задеть сухостой, и никогда нельзя определить, где внезапно свалится пудовая обомвившая ветка таежной «кедры». Потому опасна, что отойди от деланки на пять шагов — и ты уже в дебрях лян, и никогда не знаешь, что ждет тебя через два шага, — маленький бурундучок, медведь или кабан, тот самый свирепый кабан из дальневосточных охотничьих рассказов, единственный зверь, который, «услышав выстрел, идет на выстрел».

Она — взрослый и трезвый человек, потому что выросли и трезвые вопросы, которые ей приходится решать в бригаде. Я сама была свидетелем такой сцены. «Вальщик» — лесоруб, работающий с электропилой на валке деревьев, — пожалуй, единственный член бригады, имеющий специальное образование. Он должен не только уметь работать пилой, но и знать ее устройство и уметь ее чинить. Поэтому он, да еще тракторист, трельющий сваленные деревья, получают в бригаде-артели двойной пай. Остальные — неэквалифицированные разнорабочие. Но если вальщик будет непрерывно валить лес, он обеспечит всю свою бригаду за два дня на всю неделю. Это давно поняли в бригаде все.

— Пусть он свалит сколько нужно, а потом идет помогать нам таскать бревна, — сказали они. — А то он работает полдня, а потом берет ружье и идет в тайгу.

— Нет, — сказал он, — я так рабо-

тал однажды. Валил, а потом таскал бревна. И однажды пила вырвалась у меня из рук, и я полгода провалялся в больнице.

— У тракториста тоже тяжелая работа. И опасная. А он все время помогает нам, — сказали ему.

— А он известно кто — он дурмашина. Пусть работает за двоих, пока не надорвется...

Как бы вы решили этот спор? Как его решают в других бригадах? Я не знаю. Я только видела, как его решала десятник Валя, маленькая девушка с голубыми глазами и ямочками на щеках. Она понимала, что артельщики по совести правы, но ни один из них не может держать в руках пилу. Если вальщик возьмет расчет, бригада сорвет план. Единственные двое, кого она могла поменять местами, — это были вальщик и тракторист. Теперь тракторист, свалив свои деревья, будет помогать артели, а на тракторе работы на полную смену, так что в тайгу не уйдешь. И материально никто не будет наказан.

А через полчаса после этого бурного и тяжелого, в полную силу мужского разговора, Валя уже бежала со мной по тайге и уговаривала:

— Ты знаешь что сфотографируй? Как лесовоз с разгона в речку въезжает на дороге, и чтобы брызги, ладно? А брусника на мокром песке у тебя получится? А богульник?..

ВСТРЕЧА ВТОРАЯ

НАТАЛИЯ Ильинична Сац, «тетя Наташа», основатель детского театра! Вы, наверное, меня уже не помните — «актрису» и «балерину» вашего детского театра поселка Переворы Рыбинского района Ярославской области. А может быть, помните? — я играла вторую елку в новогоднем спектакле про пограничников и немецких парашютистов, высадившихся в лесу? Там еще в конце выходил на сцену живой пограничник с настоящей собакой...

Не знаю, читает ли Наталия Сац в Москве «Ленинградскую правду». Боюсь, что нет. Боюсь, что она не вспомнит меня, а таких детских театров, как наш, в ее жизни наверняка было немало. Но для нас, поселковых ребятишек, она навеки останется одним из самых святых воспоминаний нашего военного детства...

В центре поселка стояли два самых больших и красивых здания — фабрика-кухня и клуб. Вот в этот-то клуб

однажды и собрали всех учащихся единственной местной школы со второго по пятый класс. На сцене за красным столом сидела наша директор школы, и рядом с нею — худая костлявая женщина с крашеными желтыми волосами. Директор сказала, что тех, кто хорошо учится, сейчас будут принимать в детский театр.

Я была «круглой отличницей», и меня вызвали первой. Костлявая тетя села за рояль и сказала: «Девочка, в чем ты хочешь участвовать?» «Во всем!» — сказала я. Она посмотрела на меня секунду, потом спросила: «Стихи читать умеешь?» — «Да!» — сказала я уверенно и начала без запинок: «То не дворец среди листьев меж елей и ветвей...» «Хватит, — сказала она. — Теперь станций». Этого я не делала никогда. Только видела, как девочка Лена из деревни Поповка однажды танцевала русского и напевала при этом: «Николай, давай покурим, Николай, давай покурим, Николашечка». Она заиграла что-то на рояле, но это был не «Николашечка», и я остановила ее. «Я буду сама и петь и танцевать», — сказала я. Тетя повернулась ко мне на круглом рояльном стуле и уставилась на меня изучающими, но не страшными глазами.

Меня приняли «во все».

Так я познакомилась с Наталией Ильиничной Сац. А вместе с нею — с прекрасным миром искусства. Мы ставили многоактные спектакли с балетом и хором, инсценировали стихи и песни. Она входила в зал, наблюдала за нами, а потом говорила: «Знаете, дети, что мне пришло в голову? А не поставить ли нам танец со скакалочками?» И мы танцевали со скакалочками и мячами, в матросских костюмах и костюмах пьеро.

А потом, когда в доме засыпали, я садилась писать свою первую в жизни пьесу — символическое действо «Явление Весны», инсценирующее стихотворение «Потревожил озерной Март Зимустаруху...». Образы этого стихотворения были выпуклыми и конкретными: «Жук-рогач, скрививши рот, в кузницу врывается, и искусный молодец Рожки выпрямляет...» После спектаклей Наталия Сац, в которых разговаривали елки, заборы, весла и собаки, писать мне было легко, я старательно списывала полупечатными буквами серые листы оберточной бумаги, не замечая, что самые крупные из уже исписанных моя бабушка время от времени вновь пускает на обертки...

Н. КОРОЛЕВА